

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.83.105>

ВОЛГО-УРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ГРУППА ПОСТКАТАКОМБНОГО ПЕРИОДА¹

© 2024 г. Р.А. Мимоход

Статья посвящена развернутой характеристике волго-уральской культурной группы. Она занимала степи одноименного региона в финале средней бронзы, входит в блок посткатакомбных культурных образований и является неотъемлемой частью культурного круга Лола. Группа представлена подкурганскими и грунтовыми захоронениями. Основными элементами ее наглядного образа являются адоративный обряд и ориентировки в южный сектор. Отдельный интерес представляет обрядовая группа, которую составляют погребения, совершенные в сидячей позе или ее имитации. В своем развитии группа прошла два этапа в пределах периода 2200–2000 CalBC. Своим происхождением волго-уральская культурная группа была связана с лолинской культурой, а ее историческая судьба тесно связана с формированием синташтинских древностей.

Ключевые слова: волго-уральская культурная группа, блок посткатакомбных культурных образований, культурный круг Лола, погребальный обряд, периодизация, хронология, культурно-генетические процессы.

VOLGA-URAL CULTURAL GROUP OF THE POST-CATACOMB PERIOD²

R.A. Mimokhod

The article deals with a detailed description of the Volga-Ural cultural group. It occupied the steppes of the region of the same name in the final Middle Bronze Age, is part of the post-Catacomb cultural formations and is an integral part of the Lola culture area. The group is represented by burial mounds and ground burials. The main elements of its visual image are the adorative ritual and orientation to the southern sector. Of particular interest is the ritual group, which consists of burials made in a sitting posture or its imitation. In its development the group passed two stages within the period 2200–2000 CalBC. By its origin, the Volga-Ural cultural group was associated with the Lola culture, and its historical fate is closely connected with the formation of Sintashta antiquities.

Keywords: Volga-Ural cultural group, post-Catacomb cultural formations, Lola culture area, burial rite, periodization, chronology, cultural and genetic processes.

Территория Волго-Уралья является восточной периферией посткатакомбного мира. В историографическом аспекте в процессе выделения древностей финала средней бронзы этот регион оставался последним слабым форпостом защиты тезиса о доживании катакомбной культуры до начала поздней бронзы. До этого свои позиции сдали Предкавказье, где были выделены лолинская культура и кубанская культурная группы (впоследствии невинномысская культура) (Мимоход, 2006; 2007), а также Нижнее Поволжье, где нишу между позднекатакомбными и позднебронзовыми древностями заняла криволукская культурная группа (впоследствии волго-донская

бабинская культура (ВДБК)) (Мимоход, 2004). Территория Волго-Уралья всегда считалась периферийной для катакомбного мира, а проникновение туда носителей катакомбных традиций оценивалось как спорадическое. Только во второй половине первого десятилетия нашего века в выделении пласта памятников, который непосредственной подстилает начало поздней бронзы в рассматриваемом регионе, был сделан серьезный шаг вперед. В.В. Ткачев собрал подборку комплексов, которые он отнес к позднекатакомбной группе, чье появление здесь было связано с проникновением сюда носителей маньчжских и волго-донских катакомбных традиций

¹ Работа подготовлена в рамках НИР НИОКТР 122011200270-0.

² The work was prepared as a part of R&D 122011200270-0.

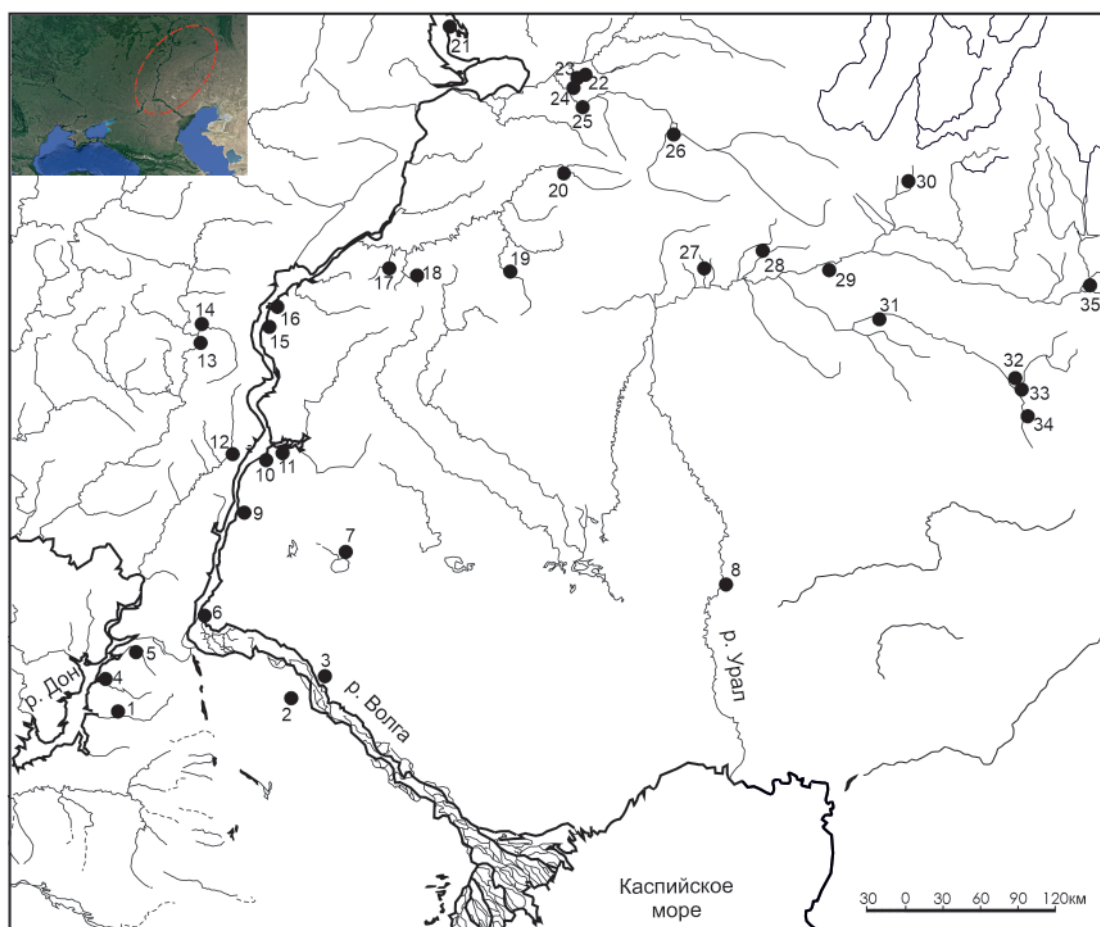

Рис. 1. Территория. 1 – Заливский I/15; 2 – Кривая Лука XIV 8/5; 3 – Степная IV 2/3; 4 – Первомайский VIII 3/7, X 10/1; 5 – Тихоновка од. кург./5; 6 – Волжский 2/13; 7 – Венгеловка 5/1; 8 – Мамбеталы 5/1; 9 – Быково I 15/1,2, 16/12; 10 – Политотдelsкое 2/1, 12/18, Политотдelsкое II 1/2, Политотдelsкое-89 4/12; 11 – Бережновка I 14/2; 12 – Барановка I 10/4; 13 – Большие Копены 2 2/1; 14 – Горбатый мост 6/11; 15 – Смеловка гр. мог. п. 6, 9, 12, 20, 33, 70, 128; 16 – Шумейка 2/4; 17 – Караман 3/1; 18 – Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 19 – Светлое Озеро 1/1, 7/1; 20 – Журавлиха 1/10; 21 – Хрящевка 2/1,2; 22 – Кутулук III 1/1; 23 – Грачевка II 5/3; 24 – Красносамарский I 1/2, II 1/2; 25 – Утевка I 1/2; 26 – Перевозинка 2/31,32; 27 – Ташла 4 6/3; 28 – Шумаево II 3/2, 6/1; 29 – Пятилетка 5/1; 30 – Имангулово II 5/3; 31 – Тамар-Уткуль VII 4/1-5; 32 – Восточно-Курайли 1 1/1; 33 – Учебный полигон п. 3; 34 – Шчилисай II 2/2; 35 – Новый Кумак 25/12,13,14.

Fig. 1. Area. 1 – Zalivsky I/15; 2 – Krivaya Luka XIV 8/5; 3 – Stepnaya IV 2/3; 4 – Pervomaisky VIII 3/7, X 10/1; 5 – Tikhonovka od. burial mound/5; 6 – Volzhsky 2/13; 7 – Vengelovka 5/1; 8 – Mambetaly 5/1; 9 – Bykovo I 15/1,2, 16/12; 10 – Politotdelskoye 2/1, 12/18, Politotdelskoye II 1/2, Politotdelskoye-89 4/12; 11 – Berezhnovka I 14/2; 12 – Baranovka I 10/4; 13 – Bolshye Kopeny 2 2/1; 14 – Gorbaty Most 6/11; 15 – Smelovka, burials 6, 9, 12, 20, 33, 70, 128; 16 – Shumeika 2/4; 17 – Karaman 3/1; 18 – Barrow group (14 mounds) 12/1; 19 – Svetloye Ozero 1/1, 7/1; 20 – Zhuravlikha 1/10; 21 – Khryashchevka 2/1,2; 22 – Kutuluk III 1/1; 23 – Grachevka II 5/3; 24 – Krasnosamarsky I 1/2, II 1/2; 25 – Utevka I 1/2; 26 – Perevozinka 2/31,32; 27 – Tashla 4 6/3; 28 – Shumaevov II 3/2, 6/1; 29 – Pyatiletka 5/1; 30 – Imangulovo II 5/3; 31 – Tamar-Utkul VII 4/1-5; 32 – Vostochno-Kuraili 1 1/1; 33 – Uchebny polygon, burial 3; 34 – Shchilisai II 2/2; 35 – Novy Kumak 25/12,13,14.

(Ткачев, 2007, с. 228–257). Следует отметить, что в подборке исследователя наряду с действительно позднекатакомбными комплексами, оказались и отдельные посткатакомбные материалы, т.е. она не являлась однородной, но вектор решения проблемы был задан. Более 20 лет назад была написана статья, в которой обосновывалось выделение новой

волго-уральской культурной группы (ВУКГ) посткатакомбного периода, чьи древности непосредственно предшествовали памятникам начала поздней бронзы (Мимоход, 2010). При наличии уже неоднократно опубликованных работ, где посткатакомбные памятники Поволжья и Волго-Уралья рассматриваются дифференцировано, а речь идет о ВДБК и/или

ВУКГ, в не так давно вышедшей монографии, посвященной Грачевским курганам в Самарском Заволжье, памятники этих культурных образований оказались вновь смешанными (с использованием моего термина) в рамках «волго-уральской культурной группы». В ней оказались памятники как ВУКГ, так и ВДБК. Таким образом авторы фактически вернулись на уровень осмысления материала более чем десятилетней давности, с некоторой модернизацией, которая выразилась в замене термина «посткатакомбная» на «постполтавкинская» (Кузнецов и др., 2018, с. 89–91), в то время как волго-уральская группа и Волго-Донское Бабино — это не просто разные культурные образования. Они принадлежат к общностям, механизмы формирования которых, хотя и были сходны по структуре, но в корне отличаются в отношении участников культурогенеза. ВДБК является неотъемлемой частью культурного круга Бабино, происхождение которого было стимулировано миграционным импульсом из Центральной Европы и карпато-дунайского региона, а ВУКГ входит в состав культурного круга Лола, чье возникновение было обусловлено миграцией в степь части населения Северо-восточного Кавказа (Мимоход, 2018; 2022; Мимоход и др., 2022). Справедливости ради следует отметить, что через два года автор пока малопонятного термина «постполтавкинская волго-уральская культурная группа» П.Ф. Кузнецов возвращается к корректному для Волго-Уралья определению памятников как посткатакомбных (Кузнецов, 2020, рис. 2).

После выделения ВУКГ (Мимоход, 2010) я не раз обращался к характеристике этой группы (Мимоход, 2013, с. 323–326; 2018а, с. 143; 2021, с. 332–336). Однако делалось это либо в тезисном виде, либо в составе обобщающих работ, в которых совокупно рассматривались и другие посткатакомбные культуры, что естественно сказывалось на информативности разделов, посвященных ВУКГ. Да и за последние годы появились новые сюжеты, из которых опубликована только часть (Мимоход, 2021а). Данная статья посвящена полной характеристике волго-уральской группы в том объеме, который позволяет формат издания.

Территория. На данный момент известно 59 погребений ВУКГ из 37 могильников. Подавляющее большинство погребений расположено на территории Волго-Уралья

(рис. 1). Именно она и стала эпонимной при выделении этой культурной группы. Отдельные комплексы расположены на правобережье Волги и Волго-Донском междуречье, в месте наибольшего сближения рек. Здесь памятники находятся в Сарпинской низменности, на Приволжской возвышенности, на левобережье — в Низком Заволжье и распространяются дальше на восток по территории Общего Сырта. Северная граница основного ареала ВУКГ располагается в лесостепной зоне севернее и в районе Самарской Луки. Восточный рубеж находится в бассейне среднего течения р. Урал. Южная граница ВУКГ, по всей видимости, находится на территории Северного Казахстана, но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Погребальный обряд. Курганы волго-уральской группы в отличие от соседних ВДБК и лолинской культуры никогда не образуют скоплений в курганных группах и не представлены в обособленных могильниках. Как правило, курган, возведенный носителями ВУКГ, был одиночным в составе инокультурного могильника. Насыпи небольшие высотой до 1 м, диаметром не более 20 м. Как и в ВДБК, в ВУКГ известен и бескурганный обряд погребения. В материалах масштабного грунтового могильника Смеловка (Лопатин, 2010) присутствует серия из 7 погребений этой группы. Основные захоронения составляют 32,7% от всех курганных погребений, погребения с досыпками — 4%, остальные впускные.

Погребения культурной группы одиночные. Только один раз было зафиксировано парное захоронение. В комплексе Светлое Озеро 1/1 обнаружены скелеты взрослого и ребенка (рис. 2: 3). Захоронения совершены в обычных ямах (рис. 2: 1, 2, 3: 1–21, 4: 1–9), ямах с заплечиками (рис. 2: 7–9), катакомбах (рис. 2: 4–6, 4: 11) и подбойных могилах (редуцированные катакомбы) (рис. 2: 3: 22–26).

Носители волго-уральских культурных традиций укладывали умерших скорченно на левом и правом боку. Особую группу представляют захоронения, совершенные в сидячей позиции или ее имитации (Мимоход, 2021а). Левобочное положение скелета было доминирующим. Погребения с такой позицией составляют 64,3% от всех захоронений, комплексы с положением на правом боку — 16%, сидячие погребения — 19,6%.

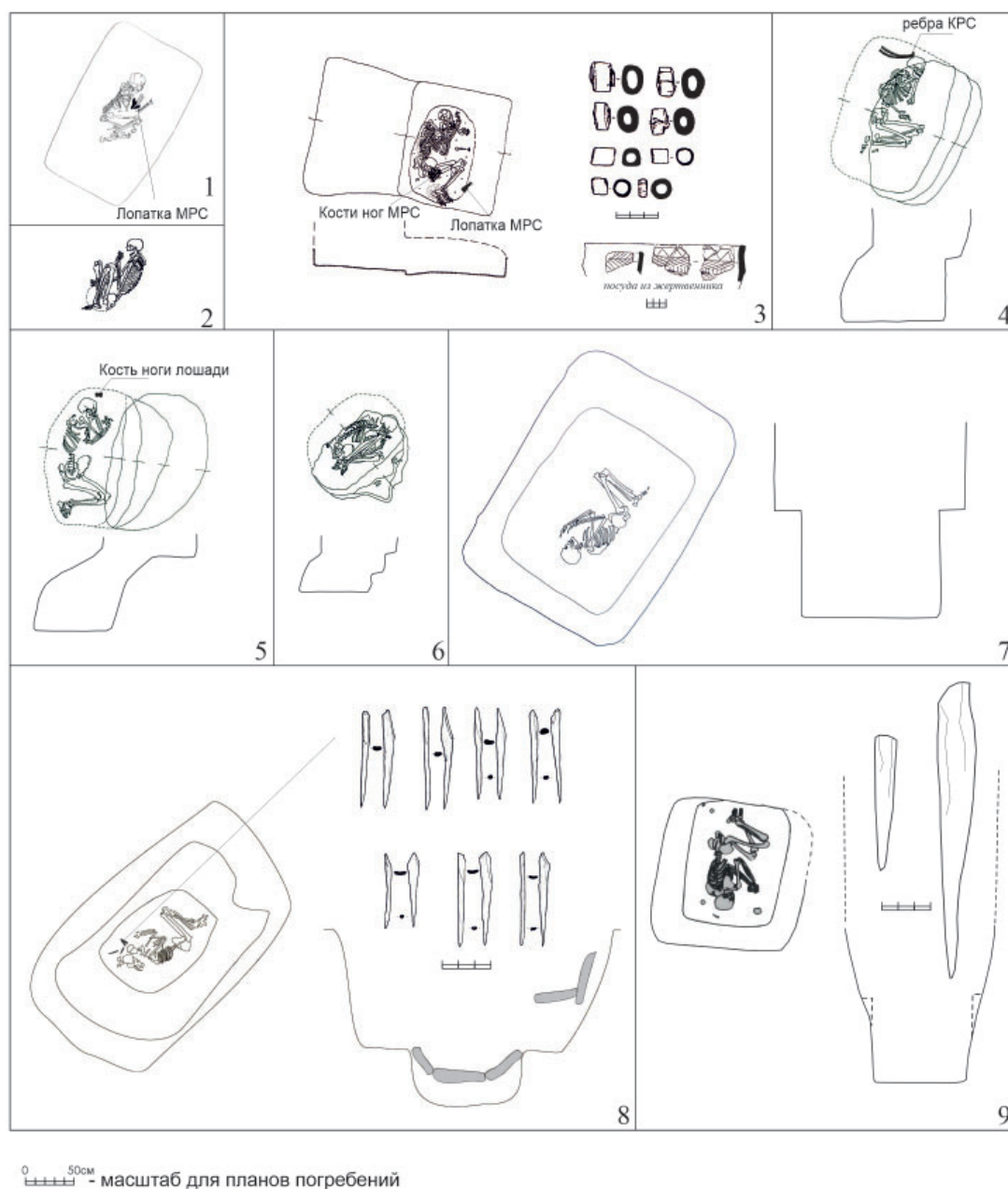

Рис. 2. Погребения ОГ I–III. 1, 2 – ОГ I; 3–6 – ОГ II; 7–9 – ОГ III.

1 – Курганная группа (14 насыпей) 12/1; 2 – Учебный полигон п. 3; 3 – Светлое Озеро 1/1; 4 – Смеловка гр. мог. п. 9; 5 – Смеловка гр. мог. п. 12; 6 – Смеловка гр. мог. п. 33; 7 – Перевозинка 2/32; 8 – Имангулово II 5/3; 9 – Заливский 1/15.

Fig. 2. Burials OG I–III. 1, 2 – OG I; 3–6 – OG II; 7–9 – OG III.

1 – Barrow group (14 mounds) 12/1; 2 – Uchebny polygon, burial 3; 3 – Svetloye Ozero 1/1; 4 – Smelovka, burials 9; 5 – Smelovka, burial 12; 6 – Smelovka, burial 33; 7 – Perevozinka 2/32; 8 – Imangulovo II 5/3; 9 – Zaliivsky 1/15.

В погребениях волго-уральской группы периодически встречаются следы горения. Они представлены скоплениями золы и угля и их вкраплениями. Захоронения с этим элементом обряда составляют 14% от всех комплексов. Это достаточно высокий показатель. Для сравнения в соседних культурах ВДБК и лопатинской эти данные соответственно – 6,9% и 3,1%. Похоже, что огонь в погребальном

ритуале ВУКГ играл более значимую роль по сравнению с другими посткатакомбными культурами.

Очень показательна ориентировка умерших. Полностью доминирует ориентировка в южный сектор. Именно она является основным элементом наглядного образа культурной группы. Особенно это касается юго-западного направления. Погребения с таким вектором

составляют почти половину от всех погребений с установленной ориентировкой скелетов. Если сравнить данные ВУКГ с родственной ей лолинской культурой, то получится выразительная в культурном отношении картина. В пропорциональном отношении основные векторы ориентации скелетов Лолы и волго-уральской группы оказываются прямо противоположными. В первом случае доминируют северные направления, особенно северное и северо-восточное (Мимоход, 2013, илл. 14), во втором южные, особенно юго-западное и южное (рис. 2: 7–9, 3: 1–24). Такие кардинальные различия обусловлены особенностями культуругенеза ВУКГ и хорошо иллюстрируют ее культурную специфику.

В положении рук абсолютно доминирует адоративная и близкие к ней позиции (рис. 2, 3: 1–16, 18–26). Погребения с таким положением составляют 95% от всех комплексов с установленной позицией рук.

Характерной чертой обряда ВУКГ является помещение в могилу в большинстве случаев костей мелкого рогатого скота (рис. 2: 3, 3: 4, 17, 25, 26, 4: 9, 10), в меньшее число погребений – костей крупных копытных (рис. 2: 4, 5, 4: 8). ВУКГ, как и большинство культурных образований посткатакомбного блока, демонстрирует посткатакомбные традиции размещения костей животных в могилах. Главная из них это приуроченность к скелету. Катакомбные позиции, когда комплексы с КЖ отделены от тела, встречаются редко и являются рудиментами предшествующей эпохи. Будучи непосредственным соседом лолинской культуры и связанной с ней своим происхождением, а также с учетом чересполосного проживания на левом берегу Волги с носителями волго-донских бабинских традиций (Мимоход, 2018, рис. 1; 2021, рис. 1), анатомический состав КЖ в захоронениях волго-уральской группы демонстрирует синкретические черты. С одной стороны, в погребениях ВУКГ присутствуют лопатки МРС (рис. 2: 1, 3: 17), что является визитной карточкой лолинской культуры (Мимоход, 2007а), а с другой, кости конечностей мелкого и крупного рогатого скота, которые служат одним из важных культурно-хронологических индикаторов ВДБК (Мимоход, 2021б).

В последней работе, посвященной характеристике волго-уральской группы, в ее составе были выделены две обрядовые группы (ОГ)

(Мимоход, 2021, с. 333). Дальнейшая работа с признаками погребального обряда позволила увеличить их количество до семи. Общим для шести групп является скорченное положение скелета и адоративные позиции рук. Основанием для разделения служат признаки: «могильная конструкция» и «ориентировка костяка».

ОГ I представлена двумя комплексами (рис. 2: 1, 2). Она соответствует ОГ I лолинской культуры. Умерший лежит в яме в скорченном адоративном положении, черепом ориентирован на СВ. В отличие от Лолы, где эта группа самая многочисленная (Мимоход, 2013, с. 46), в ВУКГ она явно маргинальная и составляет всего 3,4% от всех погребений.

ОГ II также соответствует классификации обрядовых групп лолинской культуры. Погребения совершены в подбойных могилах, умершие ориентированы в северный сектор (рис. 2: 3–5). Удельная доля группы – 8,9%. Этот показатель в полтора раза ниже, чем в лолинской культуре.

ОГ III представлена погребениями в ямах с заплечиками (рис. 2: 7–9). Известно три захоронения этой группы (5,1%). Умершие были ориентированы на Ю и ЮЗ. Погребения явно неординарные. Об этом свидетельствуют очень глубокие ямы 2–2,5 м. В двух из трех случаев погребения были основными в курганах (рис. 2: 7, 8). Эта группа соответствует ОГ III лолинской культуры (Мимоход, 2013, с. 47, илл. 30, 6–9), однако, с очень существенной разницей. В Лоле это тоже глубокие погребения с заплечиками в нижней части, подавляющее большинство которых сопровождалось насыпями, но ориентировки скелетов ОГ III лолинской культуры и волго-уральской группы диаметрально противоположны. В первом случае это С и СВ векторы, во втором – Ю и ЮЗ (рис. 2: 7–9). Еще одно серьезное различие наблюдается в инвентарном комплексе захоронений этих групп. В лолинской культуре умершие, как правило, сопровождаются богатым приданным, включая орудия из металла и даже украшения из золота (Мимоход, 2013, с. 47, илл. 30, 6–9), безынвентарных погребений здесь нет. В ВУКГ, наоборот, из трех комплексов два не имели инвентаря (рис. 2: 7, 9), а в п. 3 к. 5. мог. Имангулово II обнаружен только набор из костяных стержней (рис. 2: 8). На уровне сравнительной характеристики ОГ III лолинской культуры

и волго-уральской группы хорошо прослеживаются с одной стороны, их генетическая взаимосвязь, а с другой культурная специфика.

ОГ IV самая многочисленная в ВУКГ. Захоронения совершены в ямах, умершие ориентированы на ЮЗ, Ю, ЮВ, причем с доминированием юго-западного вектора (рис. 3: 1–21). Ситуация опять же принципиально схожа с выше охарактеризованной. В лолинской культуре самой многочисленной является *ОГ I*, где умершие лежат в ямах, головой ориентированы в северный сектор (Мимоход, 2013, с. 46, илл. 27), а в *ОГ IV* волго-уральской группы скелеты также находятся в могилах ямной конструкции, но черепом направлены в южный сектор. Близки и статистические показатели обрядовых групп, которые являются ведущими в определении наглядного образа обоих культурных образований. В Лоле захоронения *ОГ I* составляют 38,3%, в ВУКГ комплексы *ОГ IV* – 44,6%.

ОГ V представлена погребениями в подбойных могилах, в которых индивиды ориентированы на ЮЗ и ЮВ, причем также с явным доминированием юго-западного направления (рис. 3: 22–24, 26). В группу объединены три погребения, что составляет 5,1% от всего массива захоронений. В этой группе все могильные конструкции являются редуцированными катакомбами.

ОГ VI так же, как и *ОГ I*, представлена только одним комплексом (Смеловка гр. мог. п. 20). Умерший лежал в подбойной могиле, головой ориентирован на З (рис. 3: 25). Очевидно, что это также маргинальная группа (1,7%). Западная ориентировка не свойственна культурам лолинского круга.

ОГ VII представлена очень своеобразной группой погребений. В нее объединены захоронения, в которых умершие были погребены в специфической сидячей позе или ее имитации (рис. 4). Известно 13 таких захоронений, что составляет 22% от всех комплексов ВУКГ. Это существенный показатель. Данная группа в количественном отношении занимает второе место после *ОГ IV*, которая представляет основу наглядного образа волго-уральской группы. Еще большее своеобразие *ОГ VII* придает тот факт, что погребения, совершенные в положении «сидя», кроме ВУКГ, больше неизвестны в посткатакомбном мире. Эта группа подробно рассмотрена в специ-

альной статье (Мимоход, 2021а), поэтому нет смысла на ней сейчас останавливаться.

Погребальный **инвентарь** волго-уральской группы представлен керамической посудой, костяными изделиями, бронзовыми и каменными орудиями труда, бронзовыми, костяными и фаянсовыми украшениями (рис. 5).

Безынвентарность погребений, характерная для блока посткатакомбных культурных образований, хорошо выражена и в ВУКГ. Захоронения без сопровождающих вещей здесь составляют 63% от всех комплексов. По этому показателю волго-уральская группа демонстрирует большее сходство с ВДБК, чем с лолинской культурой.

Крайне редко в захоронениях встречается **керамика** (рис. 5: 1–3). Она обнаружена в трех комплексах, что составляет 5,3% от всех захоронений. Это самый низкий показатель для всего посткатакомбного блока. Помещение посуды в погребения явно не входило в канон погребальной обрядности носителей волго-уральских традиций. Это подтверждается не только единичностью погребений с керамикой, но и тем, что, как и в случае с Волго-Донским Бабино, посуда ВУКГ распадется на группы, одна из которых является инокультурной.

Первую из них представляет горшок из п. 6 гр. мог. Смеловка (рис. 5: 1). Сосуд имеет специфический орнамент. Нижний фриз представлен композицией, выполненной гладким штампом в виде лесенок. Такой же способ декорирования присутствует на банке из лолинского комплекса Островной 3/15 на Восточном Маныче (Мимоход, 2013, илл. 45: 6). С учетом генезиса ВУКГ, который непосредственно связан с лолинской культурой, именно этот сосуд является культурным маркером волго-уральской группы. Он органично вписывается в серию округлобоких горшков лолинской культуры (Мимоход, 2013, илл. 46: 8–14, 47: 1–3).

Вторую группу составляют сосуды вольско-лбищенского облика (рис. 5: 2, 3). Здесь мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда инокультурная посуда попадает в посткатакомбный контекст. Не так давно уже было показано, что вольско-лбищенские горшки в контактной зоне двух культур обнаружены и в погребениях ВДБК (Мимоход, 2020). Иными словами, посуда с вольско-лбищенскими чертами обнаружена в погребениях Волго-

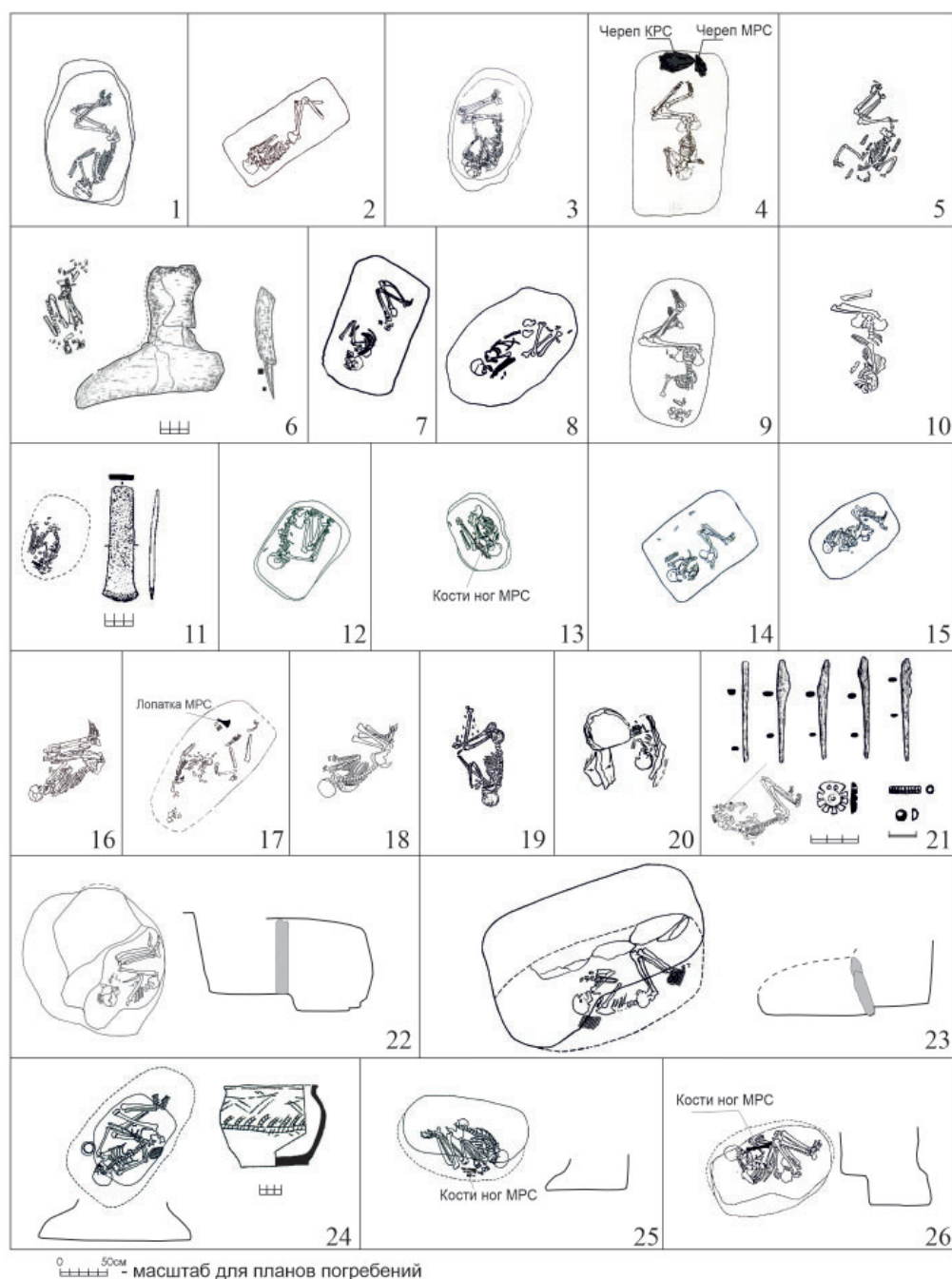

Рис. 3. Погребения ОГ IV–VI. 1–21 – ОГ IV; 22–25 – ОГ V; 26 – ОГ VI.

1 – Большие Копены 2 2/1; 2 – Восточно-Курайли 1 1/1; 3 – Горбатый мост 6/11; 4 – Грачевка II 5/3; 5 – Барановка I 10/4; 6 – Красносамарский I 1/2; 7 – Первомайский VIII 3/7; 8 – Первомайский X 10/1; 9 – Политотдельское-89 4/12; 10 – Пятилетка 5/1; 11 – Утевка I 1/2; 12 – Смеловка гр. мог. п. 128; 13 – Смеловка гр. мог. п. 112; 14 – Хрящевка 2/1; 15 – Хрящевка 2/2; 16 – Шумаево II 6/1; 17 – Шумаево II 3/2; 18 – Политодельское II 1/2; 19 – Тихоновка од. кург./5; 20 – Новый Кумак 25/12; 21 – Красносамарский II 1/2; 22 – Шчилисай II 2/2; 23 – Новый Кумак 25/14; 24 – Смеловка гр. мог. п. 6; 25 – Смеловка гр. мог. п. 70; 26 – Смеловка гр. мог. п. 20.

Fig. 3. Burials OG IV–VI. 1–21 – OG IV; 22–25 – OG V; 26 – OG VI.

1 – Bolshye Kopeny 2 2/1; 2 – Vostochno-Kuraili 1 1/1; 3 – Gorbaty Most 6/11; 4 – Grachevka II 5/3; 5 – Baranovka I 10/4; 6 – Krasnosamarsky I 1/2; 7 – Pervomaisky VIII 3/7; 8 – Pervomaisky X 10/1; 9 – Politotdelskoye-89 4/12; 10 – Pyatiletka 5/1; 11 – Utevka I 1/2; 12 – Smelovka, burial 128; 13 – Smelovka, burial 112; 14 – Khryashchevka 2/1; 15 – Khryashchevka 2/2; 16 – Shumaevov II 6/1; 17 – Shumaevov II 3/2; 18 – Politodelskoe II 1/2; 19 – Tikhonovka od. burial mound /5; 20 – Novy Kumak 25/12; 21 – Krasnosamarsky II 1/2; 22 – Shchilisai II 2/2; 23 – Novy Kumak 25/14; 24 – Smelovka, burial 6; 25 – Smelovka, burial 70; 26 – Smelovka, burial 20.

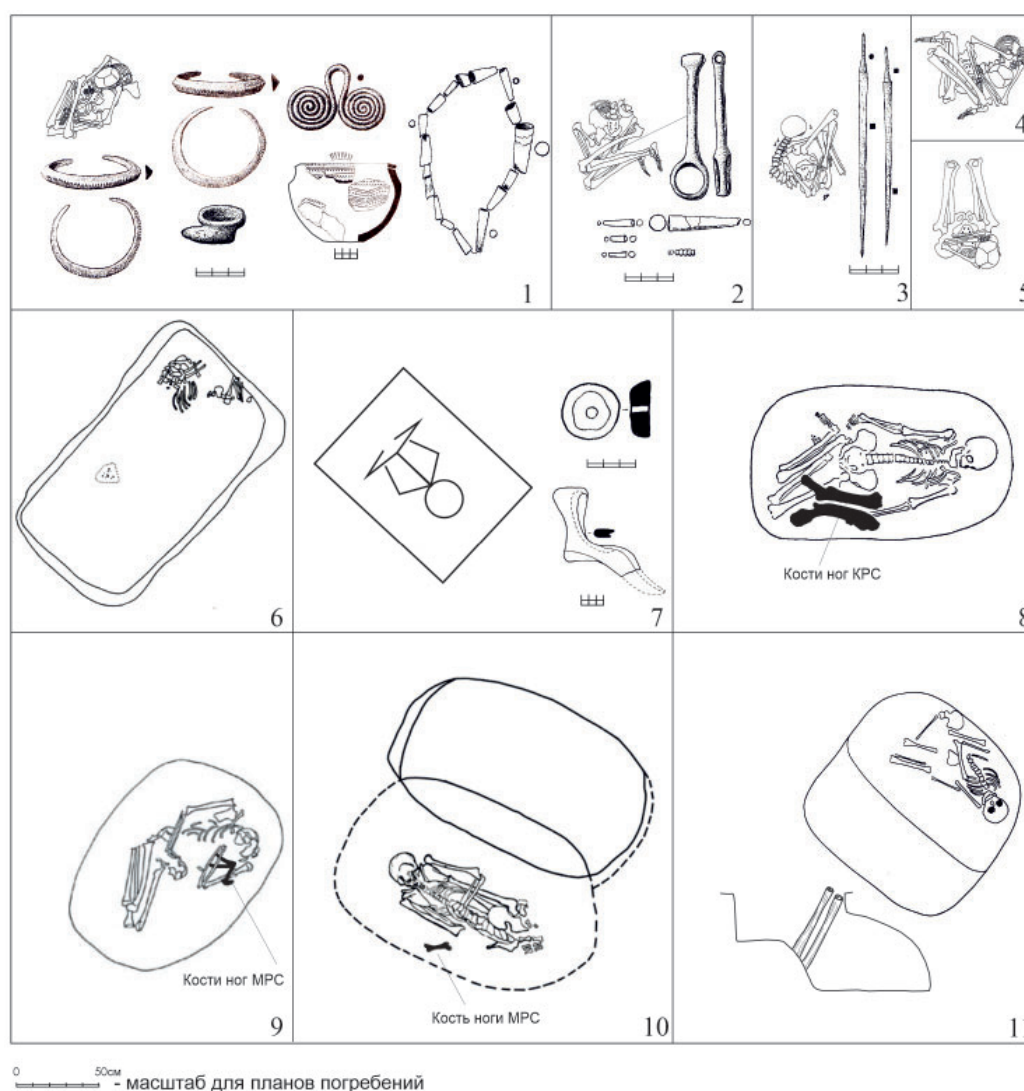

Рис. 4. Погребения ОГ VII. 1 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 2 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 3 – Тамар-Уткуль VII 4/4; 4 – Тамар-Уткуль VII 4/1; 5 – Тамар-Уткуль VII 4/2; 6 – Светлое Озеро 7/1; 7 – Мамбеталы 5/1; 8 – Бережновка I 14/2; 9 – Караман 3/1; 10 – Шумейка 2/4; 11 – Перевозинка 2/31.

Fig. 4. Burials OG VII. 1-Tamar-Utkul VII 4/5; 2-Tamar-Utkul VII 4/3; 3-Tamar-Utkul VII 4/4; 4 – Tamar –Utkul VII 4/1; 5 – Tamar – Utkul VII 4/2; 6 – Svetloye Ozero 7/1; 7-Mambetaly 5/1; 8-Berezhnovka I 14/2; 9-Karaman 3/1; 10-Shumeika 2/4; 11-Perevozinka 2/31.

Донского Бабино и ВУКГ, а это не просто разнотипные образования, как уже отмечалось выше.

Орудия из металла представлены бронзовыми ножом, теслом и шильями (рис. 5: 4–7).

Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож (рис. 5: 5), близкий по морфологии узким листовидным клинкам 1-го типа лопинской культуры (Мимоход, 2013, с. 75–78, илл. 50: 4–6, 8–12). Отличие заключается только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, которые являются характер-

ными деталями некоторых ножей покровской серии. В частности, близкий по форме нож с подобным оформлением черенка найден в покровском погребении того же могильника (Смирнов, 1960, рис. 10: 12).

Тесло из Утевки (рис. 5: 4) имеет поздний облик. Оно близко изделиям кнышевского типа по С.Н. Братченко и С.Н. Санжарову (2001, с. 66). Такие изделия особенно характерны для позднекатакомбных памятников Восточного Предкавказья и Нижнего, непосредственно предшествовавших посткатакомбному горизонту. По пропорциям наше

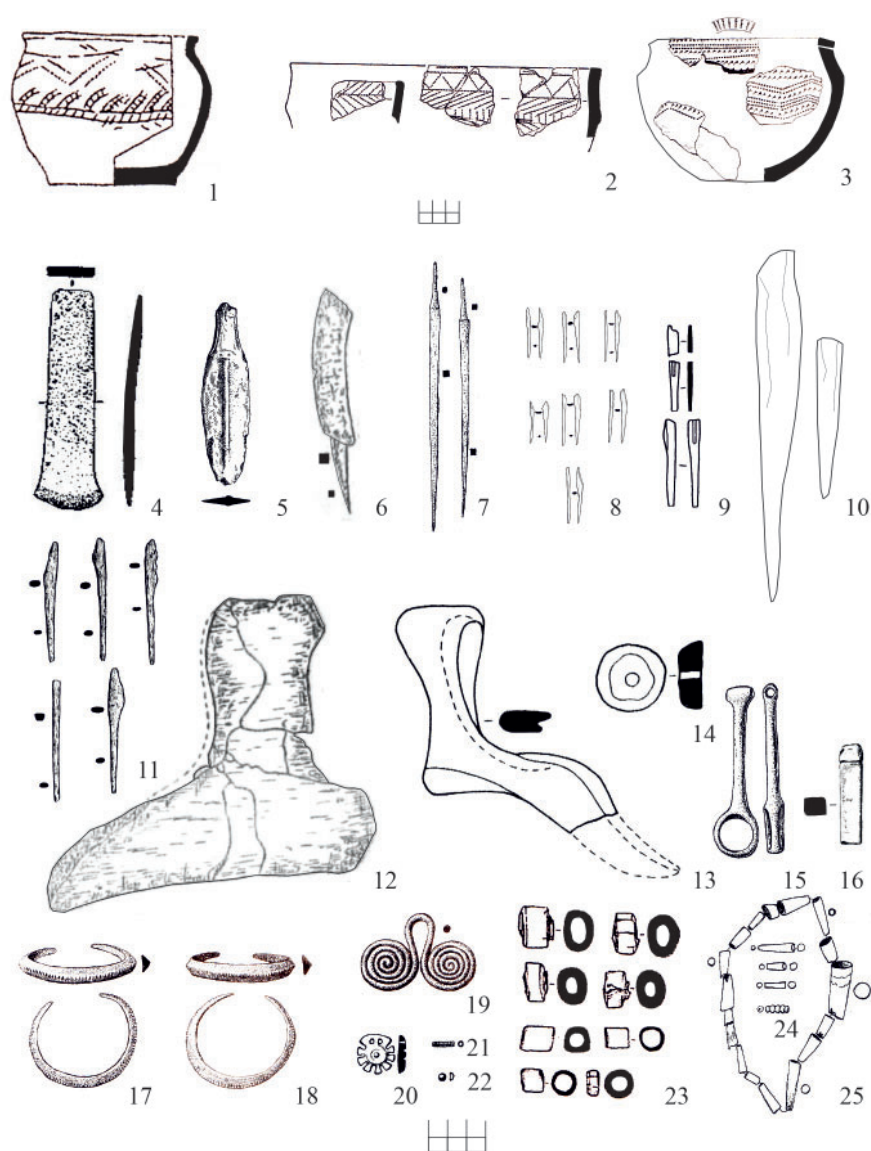

Рис. 5. Инвентарь. 1 – Смеловка гр. мог. п. 6; 2,23 – Светлое Озеро 1/1; 3,17,18,19,25 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 4 – Утевка I 1/2; 5 – Быково I 15/2; 6,12 – Красносамарский I 1/2; 7 – Тамар-Уткуль VII 4/4; 8 – Имангулово II 5/3; 9 – Венгеловка 5/1; 10 – Заливский 1/15; 11,20–22 – Красносамарский II 1/2; 13,14 – Мамбеталы 5/1; 16 – Быково I 15/1; 15,24 – Тамар-Уткуль VII 4/3.

Fig. 5. Inventory. 1 – Smelovka, burial 6; 2,23 – Svetloye Ozero 1/1; 3,17,18,19,25 – Tamar-Utkul VII 4/5; 4 – Utevka I 1/2; 5 – Bykovo I 15/2; 6,12 – Krasnosamarsky I 1/2; 7 – Tamar-Utkul VII 4/4; 8 – Imangulovo II 5/3; 9 – Vengelovka 5/1; 10 – Zalivsky 1/15; 11,20–22 – Krasnosamarsky II 1/2; 13,14 – Mambetaly 5/1; 16 – Bykovo I 15/1; 15,24 – Tamar-Utkul VII 4/3.

тесло вполне сопоставимо и с серий тесел, известных в синташтинских погребениях (Мимоход, 2013, илл. 126: 23–26).

В металлокомплексе ВУКГ представлены и четырехгранные шилья (рис. 5: 6, 7).

Хорошо представлены в погребениях ВУКГ изделия из кости (рис. 5: 8–15). Показательно обнаружение в погребениях волго-уральской группы костяных тупиков (рис. 5: 12, 13). Уже было показано, что включение в состав

инвентаря крупных кожевенных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала раннелолинского периода. Именно лолинская культура, по всей видимости, и сгенерировала эту традицию, которая получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы (Мимоход, 2013, с. 92–97; Мимоход, Усачук, 2023).

В трех комплексах обнаружены наборы костяных стержней (рис. 5: 8, 9, 11). Скорее

всего, это остатки гребней. В п. 15 к. 1 мог. Заливский найдены «два острия из осколков трубчатых костей» (рис. 5: 10) (Шилов, 1991, с. 52). Не исключено, что семантика этих предметов в данном комплексе синонимична гребням. Скорее всего, использование этих предметов в погребальной обрядности является одной из специфических черт волго-уральской группы. Однако встречаются такие изделия и раньше, а яркое развитие традиция помещения гребней в могилу получает дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы (Усачук и др., 2023).

Несомненный интерес представляет обнаружение в комплексе Тамар-Уткуль VII 4/3 костяной пряжки (рис. 5: 15). Она относится к кольцевидно-узкопланочному типу по классификации С.Н. Братченко (1995, с. 14–15), т.е. имеет кольцо для захлестывания свободного конца ремня, длинную узкую планку с отверстием для крепления глухого конца пояса. Функциональное назначение тамаруткульского изделия подтверждает и расположение его в погребении. Пряжка находилась ниже тазовых костей у сведенных колен (рис. 4: 2), которые, скорее всего, ноги были связаны поясом. Изделие имеет многочисленные аналогии. Ближайшая в территориальном отношении – это пряжка из погребения, совершенного в руинах Ливенцовской крепости (Братченко, 1995, рис. 2: 6; 2006, рис. 24: 2). У этих предметов идентична система расположения отверстий: малое отверстие перпендикулярно большому. Кроме того, обе пряжки имеют втульчатое утолщение на конце для крепления глухого конца ремня. Вопрос о культурной атрибуции ливенцовского погребения с пряжкой пока остается открытым. Однако нельзя не обратить внимание на то, что по обрядовым признакам п. 6 из Ливенцовской крепости полностью соответствует стандартам ВУКГ (Братченко, 2006, рис. 24: 1), а пряжка из него является самой близкой и фактически прямой аналогией изделию из Тамар-Уткуля. Структурное типологическое сходство волго-уральской поясной детали наблюдается и с пряжками типа Ипатово-Типки лолинской культуры, на что не раз обращалось внимание (Мимоход, 2021а, рис. 4; 2022а, рис. 6). Не вызывает особых сомнений, что лолинские пряжки и волго-уральский экземпляр (рис. 5: 15) следует рассматривать в едином контексте поясной гарнитуры культурного круга Лола.

Каменные орудия представлены одним предметом – фрагментом каменного бруска с перетяжкой на конце (рис. 5: 16). Э.С. Шарфутдинова полагает, что первоначально это было изделие с двумя перетяжками (Шарфутдинова, 2001, с. 152). Если это так, то это единственный предмет такого типа в культурном круге Лола. Функциональное назначение этих вещей в качестве защитных накладок на запястье лучника было рассмотрено по материалам погребальных памятников культурного круга Бабино (Мимоход, Усачук, Вербовский, 2021).

Особый интерес представляют *украшения*, обнаруженные в погребениях ВУКГ.

В комплексе Светлое Озеро 1/1 найден набор костяных бус (рис. 5: 23). Эти изделия не имеют какой-либо культурно-хронологической нагрузки. То же самое можно сказать и о пронизях, сделанных из раковин *Dentalium* из тамар-уткульских погребений (рис. 5: 24, 25).

В п. 3 к. 4 мог. Тамар-Уткуль VII обнаружены фаянсовые пронизи, одна из которых имела сегментовидную форму (рис. 5: 24). Особенности территориального и хронологического распределения сегментовидных бус и пронизей подробно уже были рассмотрены (Мимоход, 2013, с. 200–202). Этот тип украшений характерен для позднекатакомбных и посткатакомбных культурных образований. В свою очередь, фаянсы не характерны для постшнурового мира. Следует напомнить, что в этом же комплексе найдена кольцевидно-узкопланочная пряжка. Иными словами, инвентарный комплекс этого захоронения имеет выразительные посткатакомбные черты.

Иначе дело обстоит с соседним в кургане комплексом Тамар-Уткуль VII 4/5, умерший в котором тоже находился в сидячем положении (рис. 4: 1). Из погребения происходят очковидная подвеска и бронзовые браслеты (рис. 5: 17–19). Эти изделия связаны в большей степени именно с постшнуровым миром. Показательны и бронзовые браслеты (рис. 5: 17, 18). Их особенностью является треугольное сечение и приостренные концы. Аналогичные предметы происходят из комплексов средневожской и южноуральской абашевских культур.

Отдельный интерес представляет гарнитура украшений п. 2 к. 1 могильника Красносамарский II. Он представлен бронзовыми бляшкой-розеткой, скорлупковидной бляшкой

и спиралевидными пронизьями (рис. 5: 20–21). Нет никаких сомнений, что здесь мы имеем дело с классическим абашевскими украшениями (Кузьмина, 2002)., поэтому неудивительно, что комплекс Красносамарский II 1/2 традиционно рассматривается как погребение Средневожского Абашева (Кузьмина, 1979, с. 89; 2000а, рис. 17; 2021, с. 460). Мне кажется, что в свете новых данных культурную атрибуцию этого захоронения следует пересмотреть. Дело в том, что при абашевских украшениях в комплексе представлен совершенно неабашевский обряд. Умерший лежит скорченно на левом боку в позе адорации головой на ЗЮЗ (рис. 3: 21). Несложно заметить, что обряд в этом погребении демонстрирует все основные структурные черты ВУКГ самой распространенной ОГ IV, и он не имеет ничего общего со стандартами погребальной практики Средневожского Абашева. В качестве прямой аналогии позе умершего (рис. 3: 21) можно указать на п. 20 гр. мог. Смеловка (рис. 3: 25), которое обладает еще выраженными посткатакомбными чертами: яма с подбоем и кость конечности МРС.

Кроме характерного обряда и в самом инвентарном комплексе п. 2 к. 1 мог. Красносамарский II есть важный культурный индикатор ВУКГ. Речь идет о наборе из 8 костяных стержней, которые лежали у черепа «острием к нему, параллельно друг другу, плотным рядом» (рис. 3: 21) (Кузьмина, 1979, с. 89). Исследовательница определяла их как наконечники стрел, но это, конечно, не так. Здесь мы имеем дело с гребнем. Фактически полная аналогия этому изделию происходит из комплекса ВУКГ Имангулово II (рис. 2: 8). Здесь, как и в случае с Красносамарским II 1/2 (рис. 3: 21), мы тоже имеем дело с гребнем. Изделия располагались вплотную к черепу (рис. 2: 8), т.е. предмет находился в прическе. Кроме этих комплексов, костяные стержни обнаружены еще в двух погребениях (Венгеловка 5/1 и Заливский 1/15) (рис. 2: 9, 5: 9, 10). Иными словами, традиция помещения гребней в захоронения является хорошо опознаваемым культурным индикатором ВУКГ.

Подводя итог, следует сказать, что комплекс Красносамарский II 1/2 является погребением волго-уральской группы, в котором содержится гарнитур украшений средневожской абашевской культуры как свидетельство межкультурных контактов. Ситуация здесь

принципиально такая же, как еще с одним погребением ВУКГ Тамар-Уткуль VII 4/5, которое при посткатакомбном обряде содержит инокультурный инвентарь, связанный с постшнуровым миром (рис. 4: 1).

Таким образом, инвентарь ВУКГ при единстве погребальных традиций имеет определенные черты эклектичности. В его составе присутствуют вольско-лбищенская посуда и абашевские украшения. Тем не менее, вещи посткатакомбного облика составляют основу инвентарного комплекса волго-уральской группы. К ним относятся один из сосудов, тупики, пряслице, гребни, пряжка, нож, тесло, сегментовидные бусы. При этом следует отметить, что в материалах ВУКГ имеется только три комплекса с инокультурным инвентарем, что составляет 14,3% от всех погребений, в которых обнаружены сопровождающие вещи. Причем, расположены они в контактных зонах, где носители волго-уральских традиций непосредственно взаимодействовали с вольско-лбищенским и средневожским абашевским населением. Иными словами, ВУКГ обладает необходимыми культурно определяющими признаками, к которым относится не только единство погребального обряда, но и специфические черты инвентарного комплекса. Его основу составляют вещи посткатакомбного облика, в том числе предметы, отражающие чисто волго-уральскую культурную специфику (гребни, пряжка).

Периодизация и хронология. Датировка ВУКГ посткатакомбным периодом хорошо подтверждается *данными стратиграфии*. Как уже отмечалось, сама группа немногочисленна и насчитывает 58 погребений, поэтому и стратиграфических связей немного, но они достаточно показательны.

В к. 4 мог. Политодельское-89 и к. 7 мог. Светлое Озеро достоверно установлено следование волго-уральских погребений за волгодонскими катакомбными комплексами (рис. 6) (Жемков, Лопатин, 2008; Турецкий, Мимоход, Хохлов, 2020). Эти памятники хорошо иллюстрируют посткатакомбный возраст ВУКГ.

Подтверждает этот факт и стратиграфическое соотношение погребений волго-уральской группы с захоронениями позднего бронзового века. В знаменитом кургане 25 Нового Кумака основным было подбойное погребение 14 ВУКГ, затем в него впустили захоронение 12, совершенное в яме с каменной конструк-

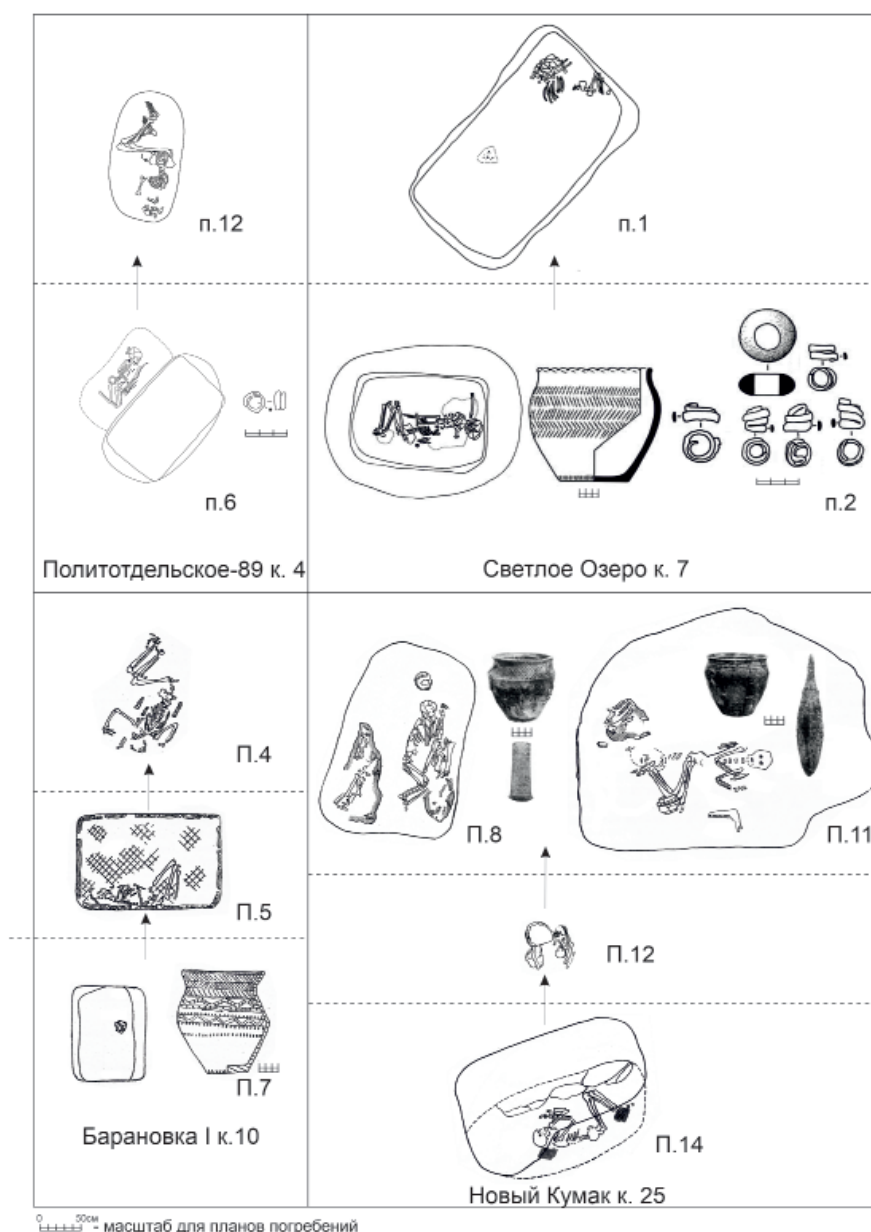

Рис. 6. Стратиграфическое соотношение погребений ВУКГ с захоронениями катакомбной, полтавкинской, волго-донской бабинской, днепро-донской бабинской и синташтинской культур.

Fig. 6. Stratigraphic correlation of the Volga-Ural Cultural Group burials with the tombs of the Catacomb, Poltava, Volga-Don Babino, Dnieper-Don Babino and Sintashta cultures.

цией в позе адорации с южной ориентировкой того же культурного контекста. После этого в кургане был устроен могильник синташтинской культуры (рис. 6) (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 8–18). В к. 2 мог. Перевозинка п. 31 и п. 32 были основными в кургане. Об этом свидетельствуют данные общего плана и профилей с выкидами (Смирнов, 1967, рис. 57). Позже в курган были впущены 30 погребений срубной культуры. Часть из них имеет архаичный облик и относится к покровскому времени

(рис. 7). В к. 2 мог. Шумейка основным было п. 4 волго-уральской группы, а впускным к нему п. 3, которое по показательному сосуду датируется позднепокровским временем (рис. 7) (Юдин, 2007). Как позднепокровский можно определить и баночный сосуд из комплекса Политотдельское 12/17. В кургане это погребение следовало за п. 18 ВУКГ (рис. 7) (Смирнов, 1959). В к. 6 мог. Горбатый мост основным было п. 11 волго-уральской группы, а следующий стратиграфический

Рис. 7. Стратиграфическое соотношение погребений ВУКГ с покровскими и срубными захоронениями.

Fig. 7. Stratigraphic correlation of the Volga-Ural Cultural Group burials with the Pokrovsk and Srumnaya burials.

горизонт представляло захоронение 9 первого этапа бережновско-маевской срубной культуры (рис. 7) (Тихонов, 2018). В кургане 10 I Барановского могильника была зафиксирована следующая стратиграфическая картина. Основным здесь было погребение-кенотаф 7, из которого происходит сосуд, имеющий вольско-лбищенские черты. Затем было совершенно захоронение 5 днепро-донской бабинской культуры (ДДБК), сопровождавшееся досыпкой. В нее было впущено погребение 4 ВУКГ (рис. 6) (Сергацков, 1992). Последняя связка демонстрирует стратиграфическое соотно-

шение внутри посткатакомбного блока. Она свидетельствует о том, что ВУКГ не датируется раньше первого этапа Днепро-Донского Бабино.

Таким образом, стратиграфические данные показывают, что волго-уральская группа погребений занимает место после катакомбной культуры до начала поздней бронзы, т.е. датируется финалом среднего бронзового века.

Периодизация и хронология. К сожалению, на сегодняшний день мы имеем всего два кургана, где зафиксировано стратиграфическое соотношение погребений волго-ураль-

ской группы. В к. 2 мог. Перевозинка насыпь была устроена над погребениями ОГ III и VII (рис. 7), т.е. они представляли единый стратиграфический горизонт. Эта связка хорошо подтверждает наблюдения, сделанные по материалам родственной лолинской культуры. Глубокие ямы с заплечиками и катакомбы характерны для раннего этапа. Также дело обстоит и с ВУКГ. Информативна и вторая также уже упоминавшаяся стратиграфическая связка, зафиксированная в к. 25 мог. Новый Кумак. В этом кургане стратиграфия показывает те же тенденции, что и в лолинской культуре. Основным было погребение в катакомбе, а впускными к нему погребения в ямах, в один из которых был установлен каменный ящик (рис. 6). Эта связка показывает, что подобные могилы в ВУКГ датируются ранним этапом.

I этап. Погребальный обряд. Ранние погребения ВУКГ совершены в катакомбах, глубоких ямах с заплечиками и в простых ямах (ОГ II–VII) (рис. 8: 1–12). Представительна доля погребений, с которыми связано курганное строительство. Из тех комплексов, которые можно отнести к раннему этапу, основные захоронения и сопровождавшиеся досыпками составляют 36%. В обряде прослеживаются катакомбные пережитки. К ним относится подобная конструкция могил, использование охры, в том числе для окрашивания ног и стоп (Быково I 16/12, Красносамарский IV 2/3, Новый Кумак 25/12, Светлое Озеро 1/1). Большая часть скелетов ориентирована в южный сектор, меньшая – в северный. В качестве раннего признака можно рассматривать расположение костей животных в нестандартной для восточной части посткатакомбного мира позиции – у ног (рис. 8: 9, 12).

Инвентарный комплекс раннего этапа отличается разнообразием. Два сосуда, происходящие из погребений этого периода, имеют инокультурные вольско-лбищенские черты (рис. 9: 1, 2). Механизм попадания такой посуды в комплексы ВУКГ уже был охарактеризован.

Металлические орудия в коллекции представлены теслом и бронзовым шилом (рис. 9: 3, 4).

Из каменных орудий следует отметить брусок с перетяжкой (рис. 9: 7). Не исключено, что это фрагмент защитной накладки на запя-

стье лучника, хотя до конца в этом уверенности нет ввиду фрагментарности изделия.

Так же, как и в лолинской культуре, хронологическими индикаторами первого этапа ВУКГ являются костяные тупики (рис. 9: 5, 6) и пряслице (рис. 9: 8). Гребни (рис. 9: 9, 10) представляют собой новацию в погребальном обряде и тоже маркируют наиболее архаичные захоронения.

Из украшений первого этапа к собственному типу ВУКГ можно отнести только костяные пронизки, обнаруженные в комплексе Светлое Озеро 1/1 (рис. 9: 11). Металлические украшения в погребениях волго-уральской группы (очковидная подвеска, браслеты, бляшка-розетка, спиральные пронизи и скорлупковидные бляшки) (рис. 9: 12–14) не имеют отношения к посткатакомбному миру. В погребения ВУКГ они попали в результате межкультурных контактов с постшнуровыми культурными образованиями, прежде всего, со средневожской абашевской культурой.

II этап. В погребальном обряде наблюдается сокращение количества обрядовых групп (рис. 8: 13–15). Исчезают захоронения в могилах катакомбной конструкции и глубоких ямах с заплечиками. Продолжают существовать только самые многочисленные ОГ IV и VI. Полностью доминируют южные векторы ориентировки скелетов. Северные направления, характерные для лолинской культуры, фактически исчезают, т.е. развитие ВУКГ идет по пути стандартизации собственных культурных признаков.

Из инвентарного комплекса ко второму этапу достоверно можно отнести только два изделия. Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож с валиковыми утолщениями по нервюре и черенку (рис. 9: 16). По этому признаку этот экземпляр близок некоторым клинкам покровской серии.

Хорошо датируется костяная узкопланочная пряжка из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3 (рис. 9: 15). Как уже отмечалось, она близка серии поясных деталей типа Ипатово-Типки, которые относятся ко второму этапу лолинской культуры. Из этого же погребения происходит и фаянсовые пронизи, в том числе сегментовидные (рис. 9: 17).

Блок посткатакомбных культурных образований прошел в своем развитии три стадии: ПКБ (посткатакомбный блок) I, ПКБ II и ПКБ III (рис. 10) в пределах 2200–1800 CalBC

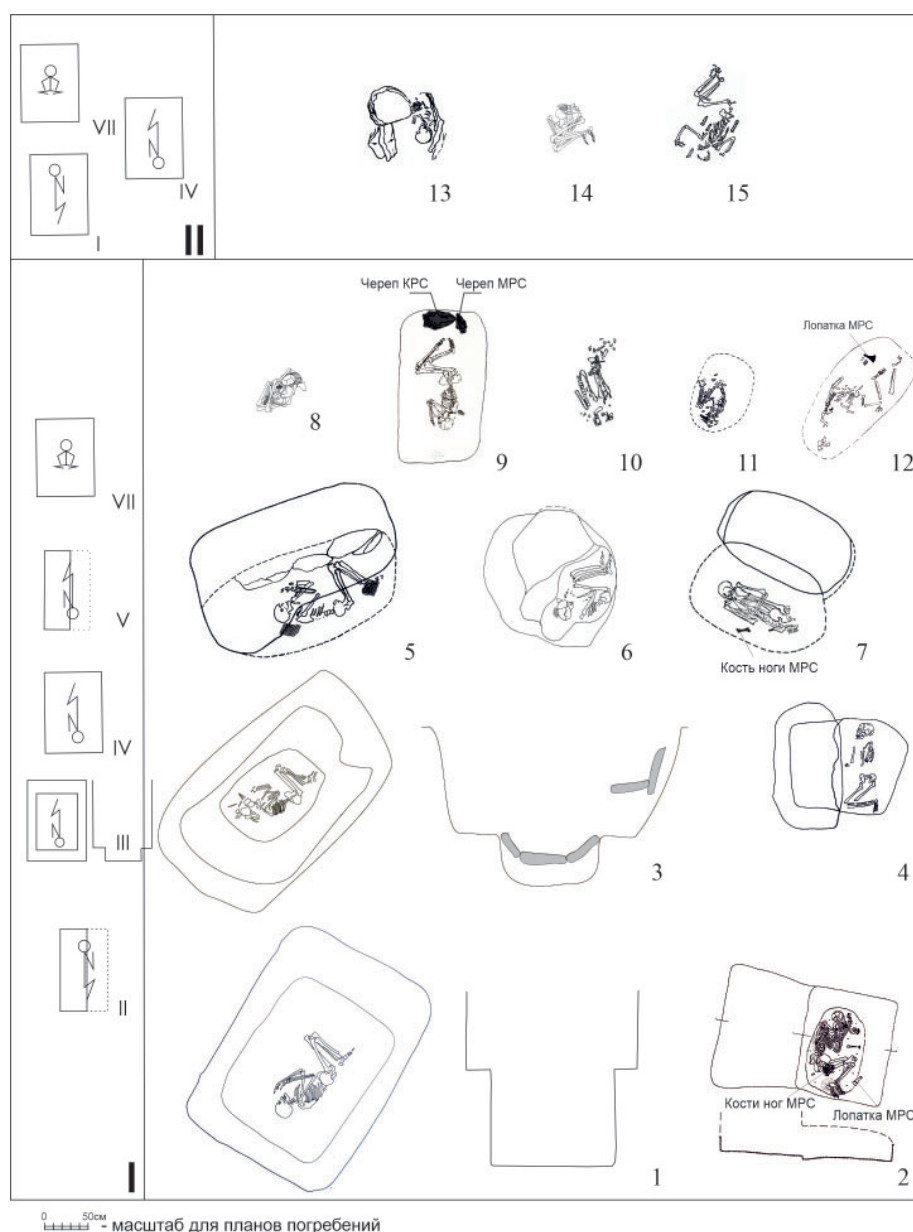

Рис. 8. Периодизация. Обряд. 1 – Перевозинка 2/32; 2 – Светлое Озеро 1/1; 3 – Имангулово II 5/3; 4 – Красносамарский IV 2/3; 5 – Новый Кумак 25/14; 6 – Шилисай II 2/2; 7 – Шумейка 2/4; 8 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 9 – Грачевка II 5/3; 10 – Красносамарский I 1/2; 11 – Утевка I 1/2; 12 – Шумаево II 3/2; 13 – Новый Кумак 25/12; 14 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 15 – Барановка I 10/4.

Fig. 8. Periodization. Rite. 1 – Perevozinka 2/32; 2 – Svetloye Ozero 1/1; 3 – Imangulovo II 5/3; 4 – Krasnosamarsky IV 2/3; 5 – Novy Kumak 25/14; 6 – Shchilisai II 2/2; 7 – Shumeika 2/4; 8 – Tamar-Utkul VII 4/5; 9 – Grachevka II 5/3; 10 – Krasnosamarsky I 1/2; 11 – Utevka I 1/2; 12 – Shumaevov II 3/2; 13 – Novy Kumak 25/12; 14 – Tamar-Utkul VII 4/3; 15 – Baranovka I 10/4.

(Мимоход, 2022а; Мимоход и др., 2022). Волго-уральская группа, равно как и ВДБК, занимает хронологическую нишу фаз ПКБ I и II.

Линии синхронизации в рамках посткатакомбного блока следующие (рис. 10). Первый этап ВУКГ синхронен раннему периоду лопинской, а, соответственно, и наиболее архаичным памятникам невинномысской

культуры. Об этом свидетельствует наличие в составе инвентаря волго-уральской группы костяных тупиков и пряслица, которые находят аналогии в ранних материалах лопинской и невинномысской культур. О синхронности ранней ВУКГ и первого этапа ДДБК, а, соответственно, первого периода ВДБК, свидетельствует очевидная подвеска из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/5 (рис. 9: 13). Это доволь-

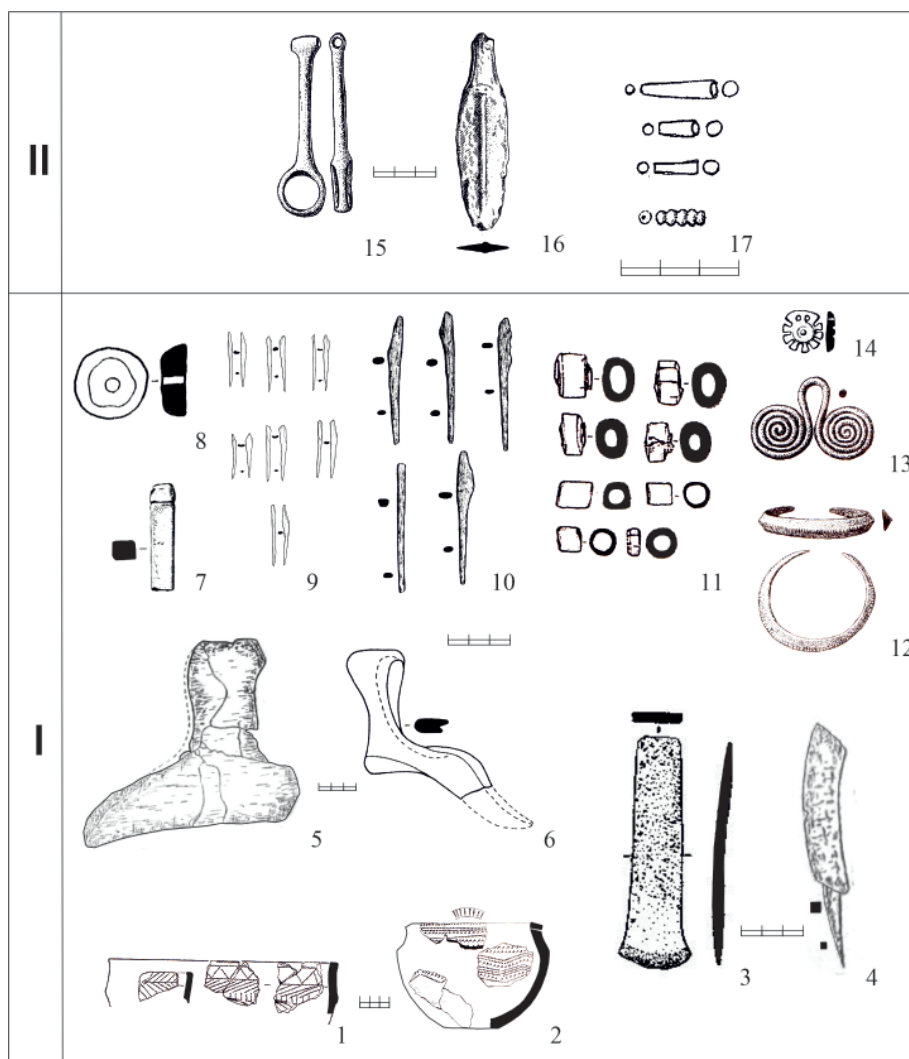

Рис. 9. Периодизация. Инвентарь. 1,11 – Светлое Озеро I 1/1; 2,12,13 – Тамар-Уткуль VII 4/5; 3 – Утевка I 1/2; 4, 5 – Красносамарский I 1/2; 6,8 – Мамбеталы 5/1; 7 – Быково I 15/1; 9 – Имангулово II 5/3; 10,14 – Красносамарский II 1/2; 15,17 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 16 – Быково I 15/2.

Fig. 9. Periodization. Inventory. 1,11 – Svetloye Ozero I 1/1; 2,12,13 – Tamar-Utkul VII 4/5; 3 – Utevka I 1/2; 4, 5 – Krasnosamarsky I 1/2; 6,8 – Mambetaly 5/1; 7 – Bykovo I 15/1; 9 – Imangulovo II 5/3; 10,14 – Krasnosamarsky II 1/2; 15,17 – Tamar-Utkul VII 4/3; 16 – Bykovo I 15/2.

но крупное изделие, чем оно отличается от средневожской абашевской коллекции. Практически полные аналогии тамар-уткульской находке происходят из погребений ранней ДДБК.

Второй этап волго-уральской группы синхронен развитым этапам лолинской и невинномысской культур, а, соответственно, развитому этапу ДДБК и заключительному периоду ВДБК и первому этапу днепро-прутской бабинской культуры (ДПБК). Как уже отмечалось, основанием для такой синхронизации выступает кольцевидно-узкопланочная пряжка (рис. 9: 15), которая чрезвычайно близка лолинским изделиям типа Ипатово-Типки маркирующим ее развитый этап.

Радиоуглеродная хронология. Процесс накопления ^{14}C данных находится в начальной точке отсчета. На сегодняшний день известно всего 5 радиоуглеродных дат.

Пять датировок ВУКГ, которые имеются на данный момент, сделаны в пяти лабораториях (Ki, ГИН, Le, AA, IGAN_{AMS}). Из них три – это LSC-даты (табл. 1: 1–3) и две AMS-даты (табл. 1: 4, 5). Тамар-уткульская AMS-дата (табл. 1: 5), «улетает» в катакомбное время (XXV–XXIII вв до н.э.). Для нее есть данные по стабильным изотопам ($\delta^{13}\text{C}$, ‰ -21, 08; $\delta^{15}\text{N}$, ‰ 10, 99), указывающие на наличие в костях высокого содержания протеина и низкого содержания $\delta^{13}\text{C}$, что может являться следствием резервуарного эффекта

и причиной удревления даты. В то же время изотопы Имангуловских образцов свидетельствуют об отсутствии водной диеты (Купцова, 2022, с. 102), следовательно, значения этих дат можно считать верными. В любом случае, суммирование этих данных с вероятностью в одну сигму дает интервал – 2350–2020 CalBC. Дат явно недостаточно и делать какие-то даже предварительные выводы преждевременно. Следует только отметить, что большая часть указанного диапазона соответствует фазам ПКБ I и II.

Происхождение и историческая судьба. Происхождение ВУКГ связано с ранне-лолинской культурой (Мимоход, 2010, с. 71; 2013, с. 324). Нельзя не отметить выразительное сходство между похоронным ритуалом волго-уральских захоронений с лоллинскими погребальными традициями. Это адоратив-

с каменным ящиком (рис. 6). Показателен в этом отношении и комплекс Быково I 15/2 в Заволжье, где адоративный костяк с южной ориентировкой имеет искусственно деформированный череп. Не случайно Н.К. Качалова рассматривала это погребение как полтавкинское с катакомбными чертами (Качалова, 1968, с. 10), а Э.С. Шарафутдинова отнесла его к уникальным покровским с элементами предкавказской катакомбной культуры (Шарафутдинова, 2000, с. 269). На самом деле серия захоронений с деформированными черепами, в том числе с южной и юго-западной ориентировками скелетов, присутствует в материалах ранней лоллинской культуры, а быковский комплекс ВУКГ хорошо иллюстрирует ее генетическую связь с лоллинской культурой.

Интересно, что южные и юго-западные ориентировки скелетов, характерные для

Таблица. 1. Радиоуглеродные даты.

Table. 1. Radiocarbon dates

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата CalBC Вероятность 1σ
1.	Имангулово II к. 5 п. 3	Ki-19356	Кость человека	3690±60	2200–1970
2.	Имангулово II к. 5 п. 3	ГИН-15497	Кость человека	3600±70	2041–1879
3.	Грачевка II к. 5 п. 3	Le-6545	Кость человека	3815±60	2350–2140
4.	Грачевка II к. 5 п. 3	AA-53806	Кость человека	3752±52	2280–2040
5.	Тамар-Уткуль VII к. 4 п. 5	IGAN _{AMS} -7692	Кость человека	3860±20	2436–2238

ный обряд, подбойная и ямная конструкция могил, южные и юго-западные ориентировки. Особо следует отметить находку лопаток МРС в комплексах Курганная группа (14 насыпей) 12/1, Светлое Озеро 1/1 и Шумаево II 3/2 (рис. 2: 1, 3, 3: 17), которые являются визитной карточкой лоллинского погребального обряда. Показательно и обнаружение тупиков в комплексах Красносамарский I 2/1 и Мамбеталы 5/1 (рис. 3: 6, 4: 7). Как отмечалось, включение в состав инвентаря крупных коженных орудий является характерной чертой посткатакомбного предкавказского ритуала раннелолинского периода, которая получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы, в том числе и синташтинских (Мимоход, Усачук, 2023). Характерно и то, что стратиграфия кургана 25 Новокумакского могильника демонстрирует такую же последовательность соотношения типов конструкций могильных ям волго-уральской группы, что и лоллинская культура. Погребение 14 в катакомбе является более ранним по отношению к захоронению 12, совершенному в яме

посткатакомбных погребений Волго-Уралья, в лоллинской культуре серийно представлены только на раннем этапе. Их существование в период формирования Лолы надежно объясняется генетической связью с восточноманьчской катакомбной культурой, хотя численно они уже существенно уступают новым северным направлениям и почти полностью изживаются к развитому этапу. В ВУКГ южные и юго-западные векторы, похоже, доминируют на всем протяжении ее существования. Подобные закономерности хорошо объясняются, исходя из модели генезиса самой лоллинской культуры. Ее происхождение было связано с появлением в финале средней бронзы в предкавказской степи выходцев с Северо-восточного Кавказа. Их взаимодействие с восточноманьчскими группами привело к формированию лоллинской посткатакомбной культуры, что подтверждается и данными краниологии (Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2010, с. 138). В результате на раннем этапе лоллинской культуры четко фиксируются обрядовые группы, в которых доминиру-

CalBC	Фазы ПКБ	Днепро-Прутское междуречье	Днепро-Донское междуречье	Волго-Донское междуречье	Волго-Уралье	Восточное и Центральное Предкавказье	Западное Предкавказье и Предгорья
2000-1800	ПКБ III	ДПБК II	ДДБК III	горизонт колесничных культур		Лола III	Невинномысск III
2200-2000	ПКБ II	ДПБК I	ДДБК II	ВДБК II	ВУКГ II	Лола II	Невинномысск II
	ПКБ I	горизонт позднекатакомбных культур		ВДБК I	ВУКГ I	Лола I	Невинномысск I
2600-2300		горизонт позднекатакомбных культур					

— культурный круг Бабина
 — культурный круг Лола

Рис. 10. Синхронистическая таблица. ВУКГ в системе хронологии блока посткатакомбных культурных образований

Fig. 10. Synchronistic table. Volga-Ural Cultural Group in the chronology of the post-catacomb cultural formations

ют местные восточноманычские традиции с южными и юго-западными ориентировками, их меньшинство, и обрядовые группы с новыми северными векторами ориентации костяков, которые нередко сопровождается инвентарь восточнокавказского облика, их большинство. Объединяет и те и другие адоративный обряд, несвойственный катакомбным традициям, но характерный для культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Из подобного соотношения компонентов сложения лолинской культуры напрашивается следующий вывод. С притоком восточнокавказских групп часть населения предкавказской степи, «не вписавшаяся» в местный культурогенез лолинской культуры, вынуждена был уйти частично в Нижнее Поволжье на территорию ВДБК, а, главным образом, в пустующее волго-уральское междуречье. Это могло произойти только на стадии формирования лолинских древностей, поэтому неудивительно, что в ВУКГ финала средней бронзы представлен адоративный, по сути, посткатакомбный и кавказский обряд, но при этом сохраняются наиболее архаичные южные и юго-западные ориентировки скелетов и подбойные конструкции могил. В этой связи, волго-уральскую культурную группу следует расценивать как северный дериват лолинской культуры. Подтверждает это и наличие в

ВУКГ небольшого количества традиционных для Лолы ориентировок в северный сектор (рис. 2: 1–6).

Историческая судьба ВУКГ тесно связана с синташтинской культурой. Вычленив посткатакомбный компонент в Синташте, необходимо обратить пристальное внимание на то, что характерные для нее юго-западные ориентировки и адоративные позиции костяков являются элементами наглядного образа предшествующей волго-уральской группы, которая была распространена в Приуралье на территории синташтинской культуры. С выделением ВУКГ делается понятным заметный южный (кавказский и предкавказский) след, отчетливо фиксируемый в инвентарном комплексе синташтинской культуры. Об этом (кавказском) импульсе в формировании колесничных культур в том или ином виде неоднократно писали разные исследователи.

Таким образом, волго-уральская группа посткатакомбного периода представляет собой самобытное культурное образование, которое являлось неотъемлемым участником культурно-генетических процессов в финале средней – начале поздней бронзы. Ее выделение сделало более понятными механизмы культурных трансформаций как в Волго-Уралье, так и Предкавказье.

ЛИТЕРАТУРА

Братченко С.Н. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. СПб., 1995. С. 8–26.

Братченко С.Н., Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверсько донеччини та Донщини III тис. до н.е. Луганськ: СЧУ, 2001. 108 с.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник у с. Светлое Озеро // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 157–193.

Казарницкий А.А. Краниология населения лопатинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 132–140.

Качалова Н.К. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 9–13.

Кузнецов П.Ф. Хронология хвалынской культуры Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Н.Д. Бурова, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК, 2020. С. 47–49.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: САО, 2012. С. 37–82.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ, 2018. 195 с.

Кузьмина О.В. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев, 1979. С. 86–98.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 85–121.

Кузьмина О.В. Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2002. С. 157–174.

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 442–468.

Купцова Л.В. Культурно-хронологическая интерпретация погребальных комплексов эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2022. С. 101–193.

Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбургское Приуралье) // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 49–60.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов: Наука, 2010. 244 с.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тез. докл. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 108–114.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции / Отв. ред. В.В. Бжания. Сухум, 2006. С. 249–253.

Мимоход Р.А. Лопатинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. 2007. № 4. С. 143–154.

Мимоход Р.А. Кости животных в лопатинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 7 / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СЧУ ім. В. Даля, 2007. С. 118–127.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический сборник. № 13/14 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2010. С. 67–82.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М: ИА РАН, 2013. 568 с.

Мимоход Р.А. Палеоклимат и культуругенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. 2018. № 2. С. 33–48.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Редкол. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2018а. С. 140–144.

Мимоход Р.А. Керамический комплекс волго-донской бабинской культуры: проблемы идентификации и культурной специфики // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 148–163.

Мимоход Р.А. Посткатакомбные памятники // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, Отв. ред. А.А. Чижевский.. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 316–338.

Мимоход Р.А. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // РА. 2021а. № 3. С. 52–66.

Мимоход Р.А. Кости животных в волго-донских бабинских погребениях как культурно-хронологические индикаторы и маркеры хозяйственной модели // КСИА. 2021б. Вып. 263. С. 7–24.

Мимоход Р.А. Культуры и культуругенез на востоке посткатакомбного мира. Дисс. докт. истор. наук. Т. 1. М, 2022. 1106 с.

Мимоход Р.А. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. 2022а. Вып. 266. С. 79–96.

Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Палеоэкология–культуругенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней–начале поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 20–34.

Мимоход Р.А., Усачук А.Н. Костяные коженные орудия (тупики и струги) в погребальном обряде посткатакомбной эпохи как культурно-хронологические индикаторы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 36–49.

Мимоход Р.А., Усачук А.Н., Вербовский А.В. Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света // Археологические вести. Вып. 32 / гл. ред. В. А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 386–401.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1992. С. 97–105.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.

Смирнов К.Ф. «Быковские курганы» // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. 169–272.с

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Южно-уральской археологической экспедиции в 1967 г. // НА ИА РАН. Р-1, № 3557.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.

Тихонов В.В. Погребение рубежа средней и поздней бронзы и захоронения эпохи поздней бронзы кургана 6 могильника Горбатый мост // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 16 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: АНО НИЦ, 2018. С. 89–109.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: АОЦИЭА, 2007. 384 с.

Турецкий М.А., Мимоход Р.А., Хохлов А.А. Раскопки курганов эпохи средней бронзы в 1989 году у с. Политоделское // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2020. С. 93–113.

Усачук А.Н., Горошников А.А., Мимоход Р.А. Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 36–63.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения Степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. 2008. Вып. 16. С. 44–70.

Шарафутдинова Э.С. Субстратные черты в поволжских погребениях покровского культурного типа // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александрович Латынина / Науч. ред. Н.Г. Горбунова. СПб.: ГЭ, 2000. С. 264–275.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках конца эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. / Редкол. Ю.И. Колев и др. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 148–153.

Шилов В.П. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 21–66.

Юдин А.И. Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района района // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 162–175.

Информация об авторе:

Мимоход Роман Алексеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mimokhod@gmail.com

REFERENCES

Bratchenko, S. N. 1995. In *Konvergentsiya i divergentsiya v razvitii kul'tur epokhi eneolita – bronzy Sredney i Vostochnoy Evropy (Convergence and divergence in the development of cultures of the Eneolithic – Bronze Age of Central and Eastern Europe)*. Saint Petersburg, 8–26 (in Russian).

Bratchenko, S. N., Sanzharov, S. M. 2001. *Ridkisini bronzovi znaryaddya z katakomb Siver'sko donechchini ta Donshchini III tis. do n.e. (Rare bronze tools from the catacombs of Seversky Donets region and Don region of the III millennium BC)*. Lagunsk: East Ukrainian National University (in Ukrainian).

Zhemkov, A. I., Lopatin, V. A. 2008. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 157–193 (in Russian).

Kazarnitsky, A. A. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 12 (1), 132–140 (in Russian).

Kachalova, N. K. 1968. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 10. Leningrad: “Sovetskii khudozhnik” Publ., 9–13 (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2020. In Burova, N. D. Vybornov, A. A. Kul'kova, M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Radiocarbon in Archaeology and Palaeoecology: Past, Present, Future)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 47–49 (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D. 2012. In Turetskii, M. A. (ed.). *Bronzovyi vek. Epokha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (Bronze Age. The Time of Heroes (Based on Materials from the Burial Monuments of Samara Oblast))*. Samara: “SAO” Publ., 37–82 (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D., Khokhlov, A. A., Antony, D. W. 2018. *Grachevskie kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz (Grachyovka barrows. Archaeology, anthropology, genomic analysis)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Kuzmina, O. V. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 86–98 (in Russian).

Kuzmina, O. V. 2000. In Koley, Yu. I., Mamonov, A. E., Turetsky, A. M. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 85–121 (in Russian).

Kuzmina, O. V. 2002. In Munchaev, R. M. (ed.). *Problemy arkheologii Evrazii (Issues of the Archaeology of Eurasia)*. Moscow: Institute of Archeology of RAS, 157–174 (in Russian).

Kuzmina, O. V. 2021 In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 442–468 (in Russian).

Kuptsova, L. V. 2022. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 16. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 101–193 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Evgen'ev, A. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 49–60 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2010. *Smelovskiy mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n.e.) (The Smelovsky burial ground: a model of local cultural genesis in the steppe Trans-Volga region (mid-II millennium BC))*. Saratov: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2004. In Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Polozh'ia (Issue of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University, 108–114 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2006. In Bzhaniya, V. V. (ed.). *Pervaya abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya. Drevnie kul'tury Kavkazskogo Prichernomor'ya (The first Abkhazian International Archaeological Conference. Ancient cultures of the Caucasian Black Sea region)*. Sukhum, 249–253 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 143–154 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2007. In Sanzharov, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii Ckhidnoi Ukraïni (Materials and research on the archaeology of Eastern Ukraine)* 7. Lagunsk: East Ukrainian National University, 118–127 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2010. In Lytvynenko, R. A. (editor-in-chief). *Donets'kii arkheologichnii zbirnik (Donetsk archaeological collection)* 13/14. Donetsk: Donetsk National University, 67–82 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2013. *Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka (The Lola culture. The Northwestern Caspian Sea region at the turn of the middle and late periods of the Bronze Age)*. Series: *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy (Materials of security archaeological research)* 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 33–48 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 140–144 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 259, 148–163 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 316–338 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 52–66 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 263, 7–24 (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2022. *Kul'tury i kul'turogenez na vostoke postkatakombnogo mira (Cultures and cultural genesis in the East of the post-catacomb world)*. Diss of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Mimokhod, R. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 266, 79–96 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Gak, E. I., Khomutova, T. E., Ryabogina, N. E., Borisov, A. V. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 20–34 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Usachuk, A. N. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 62 (3), 36–49 (in Russian).

Mimokhod, R. A., Usachuk, A. N., Verbovsky, A. V. 2021. In Lapshin, V. A. (ed. in chief). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 32. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 386–401 (in Russian).

Sergatskov, I. V. 1992. In Mamontov, V. I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of the Volga–Don Steppes)* 2. Volgograd: "Peremena" Publ., 97–105 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* I. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 206–322 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 169–272. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1967. *Otchet o rabote Yuzhno-ural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1967 g (Report on the work of the South Ural archaeological expedition in 1967)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 3557 (in Russian).

Smirnov, K. F., Kuzmina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy (The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 2009. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 16. Saratov: SCIENTIFIC RESEARCH CENTER FOR THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE, 89–109 (in Russian).

Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages)*. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology (in Russian).

Turetsky, M. A., Mimokhod, R. A., Khokhlov, A. A. 2020. In Turetsky, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 8. Samara: "Slovo" Publ., 93–113 (in Russian).

Usachuk, A. N., Goroshnikov, A. A., Mimokhod, R. A. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 36–63 (in Russian).

Khokhlov, A. A., Mimokhod, R. A. 2008. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* (16), 44–70 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 2000. In Gorbunova, N. G. (ed.). *Sud'ba uchenogo. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Borisa Aleksandrovich Latynina (The fate of a scientist. To the 100th anniversary of the birth of Boris Aleksandrovich Latynin)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 264–275 (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 148–153 (in Russian).

Shilov, V. P. 1991. In *Materialy po arkheologii Kalmykii (Proceedings on the archaeology of Kalmykia)*. Elista, 21–66 (in Russian).

Yudin, A. I. 2007. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 162–175 (in Russian).

About the Author:

Mimokhod Roman A. Doctor of historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mimokhod@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.